

3. Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. XVI. Ч. 1.
4. РГИА, ф. 1450, оп. 543, д. 98, л. 13.
5. Там же, л. 358-359.
6. РГИА, ф. 1200, оп. 1 (т. XVI), д. 1, ч. 2, л. 153 об. 154.
7. Там же, л. 165-167.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLVII. Отд. 1. № 50860. Ст. 11, 12.
9. Зубов В.Е. Чины в системе государственной службы России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Т. 5. Вып. 1. 2006. С. 83-87.
10. Масловский М.В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. Н. Новгород: НГУ, 1997.
11. Воротников А.А. Бюрократия в Российском государстве. Историко-теоретический анализ. Саратов: Изд-во ГОУ Саратовская гос. акад. права. 2004.

*Евгений Адольфович КРЕСТЬЯННИКОВ —
доцент кафедры отечественной истории
Института истории и политических наук
Тюменского государственного университета,
кандидат исторических наук
krest_e_a@mail.ru*

УДК 342.56(571.12)(091)

ТОБОЛЬСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЮСТИЦИИ РЕГИОНА (конец XIX — начало XX вв.)*

GOVERNORS OF TOBOLSK IN STRATEGY OF THE REGIONAL JUSTICE DEVELOPMENT (THE END OF 19th CENTURY — THE BEGINNING OF 20th)

АННОТАЦИЯ. 300-летний юбилей губернаторской власти в России вызвал оживление интереса к изучению исторического опыта института губернаторов. Статья посвящена их участию в организации системы правосудия сибирского края в эпоху осуществления судебной реформы 1864 г.

SUMMARY. A three-hundred-year anniversary of governor's power in Russia has caused great interest in studying the historical experience of governor's institute. The following article is dedicated to the governors participation in organizing the legal system of Siberian region during the judicial reform implementation period of 1864.

*КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Тобольские губернаторы, судебные реформы в Сибири.
KEY WORDS. Governors of Tobolsk, judicial reforms in Siberia.*

К середине 1890-х гг. архаичная судебная система Сибири исчерпала свои ресурсы. В то время, когда в большинстве губерний России действовали учреждения, основанные на передовых началах Судебных уставов 20 ноября 1864 г., сибиряки довольствовались судом, бывшим, по оценке современников, «странной аномалией» [1], «истинным бичом и наказанием египетским для населения» [2]. Немалый вклад в упорядочение судебной организации и в исправление ее дефектов внесли начальники Тобольской губернии.

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, контракт № П 661 от 10.08.2009.

2 мая 1896 г. министр юстиции Н.В. Муравьев сообщил тобольскому губернатору Л.М. Князеву о намеченном в 1897 г. преобразовании сибирской системы правосудия [3], а 13 мая 1896 г. императором утверждается закон о введении в крае уставов Александра II. Важнейшими особенностями нового суда можно назвать отсутствие института присяжных заседателей, наделение мировых судей следовательскими полномочиями и функциями нотариусов, явно недостаточный штат новых судебных органов — все это было теми пробелами в судеустройстве, задача восполнения которых на два десятка лет стала заботой местных губернаторов. Кроме того, закон предписывал им возглавить губернские и областные комитеты, созданные в ходе реформы для распределения мировых участков [4].

Князев имел за плечами юридическое образование и десятилетия карьеры в судебном ведомстве. В 1872 г. он окончил курс в Петербургском императорском училище правоведения и начал службу в качестве помощника гродненского губернского прокурора; с 1873 г. — кандидат на судебные должности при прокурорах Рязанского, затем Тамбовского окружных судов и исправляющий обязанности судебного следователя; в 1878-1890 гг. — товарищ прокурора в Симбирском, Варшавском, Псковском, Санкт-Петербургском окружных судах; с 1890 г. — прокурор Витебского и Варшавского окружных судов [5]. Правовая подготовка позволила ему принять самое деятельное, со знанием дела, участие в перестройке сибирского суда конца XIX в.

Губернатор уже в мае — начале июня 1896 г. провел инструктаж подведомственных ему лиц и учреждений по поводу предстоящего преобразования, начал сбор сведений о нужном числе нотариусов [6], поручил исправникам составить список почетных мировых судей и разграничить округа на участки мировых судей [7]. Исполнение последнего задания отличалось трудностью: должностей участковых мировых судей устанавливалось в самом ограниченном числе, их многофункциональность, в частности, обязанность перемещаться по участку в качестве следователей и выполняющих поручения окружных судов, потребовала внимательного изучения географических условий региона.

Таким образом, перед Князевым стояла непростая задача и он, исходя в том числе из своего опыта судебной деятельности, рекомендовал исправникам «избегать учреждения слишком больших участков, поставив обширность участков в известное соотношение к числу возникающих дел, то есть, чем больше количество дел, тем меньше должна быть величина участка. Независимо от сего, невозможно также включать в один участок местности, отделяемые одна от другой большими реками, горами, тайгой и другими естественными преградами, так как в противном случае, даже при малом количестве дел и не особенно обширных участках, судьи будут лишены возможности исполнять надлежащим образом свои обязанности» [7].

Некоторые чиновники пытались сигнализировать о противоречивости данного им поручения. Ялуторовский исправник докладывал Князеву, что разделение округа на 3 участка «представляется крайне затруднительным». В интересах правосудия, по его мнению, округу требовалось 5 участков. Следовательно, мировые судьи были перегружены: в Тобольской губернии мировые участки поделили так, что в одном из них ежегодно возникало до 1400 дел мировой подсудности, а в другом до 150 следственных дел (нормой для сибирских мировых судей-следователей признавалось не более 500-600 дел мировой юрисдикции и 70-80 следственных дел [8]).

Открытие новых судов в Сибири состоялось 2 июля 1897 г. В Тобольске участие в нем приняли губернатор, старший председатель Казанской судебной

палаты А.Н. Щербачев и прокурор палаты В.А. Соколов [9]. Сибиряки, длительное время страдавшие от произвола дореформенного суда, ликовали, они «восторженно приветствовали» судебную реформу, рассказывал во всеподданнейшем отчете Князев [10]. На него новые судебные правила производили наилучшее впечатление, и потому с бои в деятельности в соответствии с ними он считал возможными исключительно по вине служебного персонала, заявив в своей речи, что судья, действующий на основании Судебных уставов «в искании правды, имеет в руках своих оружие нестареющее, несовершенством которого он уже не вправе, как судья дореформенный, оправдывать неудовлетворительность служения своего высоким целям правосудия» [11].

Судебная реформа 1897 г., базируясь на принципе разделения властей, отделила суд от администрации и оставила за ней в ведомстве юстиции функции исключительно организационного характера. Сибирские губернаторы принимали непосредственное участие в решении проблем судеустройства: территориальном размещении и компоновке органов правосудия, упорядочении и повышении эффективности их работы.

Пристальное внимание губернаторов привлекало состояние мировой юстиции, переживавшей кризис с самого начала своего функционирования в Сибири, выход из которого заключался в увеличении ее штата и разделении судебных и следовательских обязанностей судей. Но у губернаторов не имелось средств реального воздействия на ситуацию. Они располагали лишь возможностью в случае увеличения состава мировых учреждений в качестве председателей Особых губернских комитетов принять участие в новом разграничении участков, ходатайствовать перед столичными бюрократами о рационализации устройства судебной организации, сигнализировать о ее недостатках.

В дореволюционной истории Тобольской губернии количество мировых судей увеличивалось дважды — в 1900 и 1911 гг. В первый раз дополнительно учреждались 3 должности участковых мировых судей и 1 добавочного [12], а 22 марта 1900 г. губернский комитет во главе с Князевым заново утвердил распределение участков [13]. Однако эта мера несколько не удовлетворила потребностей мировой юстиции. В первом десятилетии XX в. основные показатели деятельности мировой юстиции Западной Сибири неизменно ухудшались, и к началу 1911 г. в Тобольской губернии остались нерешенными 20794 уголовных и гражданских дел мировой подсудности [14]: на каждого участкового судью приходилось в среднем по 520 залежавшихся судебных следствий, и для того, чтобы рассмотреть только прошлогодние дела, не решая вновь возникших, им требовался год.

Волокита стала результатом сосредоточения трудно совместимых судебных и следственных полномочий в руках мировых судей. Последовательным сторонником членения обязанностей являлся тобольский губернатор Д.Ф. фон Гагман. Во всеподданнейшем отчете за 1909 г. он, констатируя, что «труд мировых судей достиг огромных размеров и справиться с ним, исполняя обе функции (судьи и следователя), стало непосильным», настаивал на «полной необходимости разделения функций мировых судей и судебных следователей». В качестве примера чудовищного расстройтва мировой юстиции губернатор приводил факты, когда не расследовались даже убийства, и население «окарауливало» мертвецов с признаками насильственной смерти. В одном из сел такой труп без обследования пролежал 106 дней [15].

Соображения Гагмана в полной мере учитывало преобразование мирового суда 1911 г. К рубежу первого-второго десятилетия XX в. представители чиновничьих кругов Министерства юстиции во главе с И.Г. Щегловитовым прониклись сознанием того, что соединение функций судьи и следователя в руках мировых

судей неприемлемо. В 1910 г. в связи с предположением об увеличении штата сибирского мирового суда, министр юстиции высказал мысль о необходимости разделения в Западной Сибири мировых участков на участки с мировой подсудностью и участки следственные [16].

Закон 28 мая 1911 г. устанавливал в Тобольской губернии дополнительно 14 должностей мировых судей, а 10 августа 1911 г. Особый губернский комитет утвердил распределение участков мировых судей, позволившее разделить функции судей и следователей, и в губернии осталось всего лишь 6 «смешанных» судебно-следственных участков из 54 [17].

Главным недочетом судебного преобразования конца XIX столетия в Сибири считалось отсутствие суда присяжных. Тобольские губернаторы всячески содействовали его введению, участвуя в разных совещаниях, создаваемых по этому поводу, высказывая мнения относительно целесообразности и необходимости такого акта.

В 1899 г. Муравьев предложил старшему председателю Омской судебной палаты незамедлительно собрать сведения относительно готовности Западной Сибири к его установлению [18]. Председатель палаты возложил исполнение этого поручения на созданные специально по этому случаю комиссии при губернаторах. По результатам проведенного в 1900 г. исследования стало известно, что в Тобольской губернии количество лиц, имеющих право «присяжничать», было достаточным в восьми из десяти уездов (не хватало присяжных в Березовском и Сургутском уездах). Члены тобольской комиссии во главе с Князевым поставили вопрос о скорейшем введении суда присяжных в Тобольской губернии [19]. Но установление этого передового судебного института снова не состоялось. В конце 1901 г. Муравьев направил в Государственный совет соответствующий проект, но тот вернули в Министерство юстиции «без последствий» [20].

В 1907 г. министр Щегловитов в очередной раз поставил вопрос о введении суда присяжных в Тобольской губернии и 11 мая предложил губернатору Н.Л. Гондатти начать подготовку к осуществлению данной меры. В июне 1907 г. Гондатти в каждом уезде создал особые комиссии для составления списков присяжных заседателей [21], которые, как писал известный общественный деятель В. Костюрин, «оказались далеко не на высоте порученной им задачи» [22]. Их сведения содержали серьезные ошибки, отличались неполнотой, и губернатору приходилось посылать списки на доработку. В ходе кропотливой работы выяснилось, что количество присяжных за 7-8 лет возросло в 1,7 раза. Такое увеличение объяснялось бурным экономическим и культурным развитием края, притоком населения, ростом уровня его грамотности, повышением оплаты труда на частных предприятиях и цен на недвижимое имущество. Кроме составления списков уездным комиссиям предлагалось дать свои заключения относительно вопросов о целесообразности и вероятности организации в регионе суда присяжных, и те, отозвавшись о нем положительно, почти единодушно высказались за его введение [23]. Ознакомившись с результатами работы комиссий, члены тобольского губернского «Особого совещания по привлечению общественного элемента к участию в отправлении правосудия» (правда, уже без Гондатти, только что ставшего томским губернатором [24]) на заседании 25 ноября 1908 г. пришли к заключению, что препятствия деятельности института присяжных заседателей в губернии, за исключением двух северных уездов, отсутствуют [25].

10 мая 1909 г. император утвердил закон об учреждении института присяжных заседателей в нескольких регионах России, в том числе и в Западной

Сибири [26]. Щегловитов назначил начало работы суда присяжных в Тобольской губернии на 1 ноября 1909 г., и тогда на его открытии в здании Тобольского окружного суда присутствовал губернатор Гагман [27]. Ему новое судебное учреждение доставило немало хлопот. Узнав о бедственном положении, в которое попадали присяжные (так, в мае 1910 г. в Ишиме остались без денег и не смогли найти себе пристанище местные крестьяне-присяжные: над ними сжалился исправник и предоставил им помещение при полицейском управлении, а затем изыскал средства на их отправку по домам [28]), он предложил употребить две меры: вносить в списки присяжных заседателей только неплохо обеспеченных лиц и представить на обсуждение волостных сходов вопрос о выделении из их средств материальной помощи «сообщинникам», выбранным присяжными заседателями. Большинство волостных сходов Тобольской губернии не вняли губернаторскому призыву и отказали в отпуске денег на нужды заседателей из своей кассы. Например, в первом участке крестьянского начальника Ялуторовского уезда лишь один Новозаимский сход принял решение выдавать присяжным на время сессий окружного суда по 60 коп. суточных и по 4 руб. «прогонных», прочие волостные сходы посчитали, по словам начальника, что присяжные «вполне зажиточны и в денежном пособии на время сессии окружного суда не нуждаются». Этот аргумент использовали крестьяне и из других уездов. Проблему представляло и низкое качество списков присяжных. Гагман в циркулярах неоднократно указывал, что они составлялись с ошибками. Бывало, в них включались лица, состоящие под следствием, иностранные подданные, но не включались многие, удовлетворявшие всем требованиям [29]. «Новизной дела» объяснял причину «несовершенства» списков прокурор Омской судебной палаты В.В. Едличко [30].

По долгу дальнейшей службы двум тобольским губернаторам пришлось стать активными участниками обсуждения темы введения суда присяжных в восточных регионах Сибири. Накануне мировой войны Князев, будучи иркутским генерал-губернатором, и амурский генерал-губернатор Гондатти возглавили противоборствующие чиновничьи группировки противников и сторонников установления института присяжных заседателей в Восточной Сибири. Аргументация первого базировалась на убеждении, что в среде сельского населения слишком высока доля ссыльных, а людей, заслуживающих доверие, мало, и сибиряки, призванные «присяжничать», вероятно, будут преследовать личные интересы, а не общественные. Таким образом, он признал возможным образовать «суд общественной совести» только в городских поселениях с меньшим числом бывших ссыльных [31]. Гондатти же высказывался за своевременность и желательность повсеместного введения такого учреждения [32].

Критический подход Князева к проблеме суда присяжных позволил отдельным современным исследователям высказать отрицательное отношение к его фигуре. Так, по мнению омского ученого С.В. Чечелева, он представляется чуть ли не ретроградом, «человеком достаточно консервативных взглядов», соображения которого «по данному вопросу сложились на основе его личных предубеждений как выходца из западных губерний страны, считавшего Сибирь относительно слаборазвитым краем по сравнению с западной частью империи» [33]. Подобные суждения вызваны неосведомленностью о биографии тобольского губернатора: многолетней службой в сибирском регионе он зарекомендовал себя приверженцем передовых судебных порядков, пусть даже не в родном крае, деятельным чиновником, не чуждающимся решать проблемы развития юстиции.

Поскольку интересы административной и судебной властей не всегда совпадали, бывали разногласия между губернаторами и судебным руководством. К примеру, в 1898 г. председатель Тобольского окружного суда предложил отнести Тюкалинский уезд к округу окружного суда в Омске [34]. В 1904 г. председатели Омской судебной палаты и Тобольского окружного суда поставили тот же вопрос. Тюкалинск находился в 500 верстах от Тобольска, тогда как рядом располагался Омск, где, между прочим, постоянно пребывали 2 товарища прокурора Тюкалинского уезда. Разумное предложение судебных чинов не вписывалось в задачи губернского управления: тобольский губернатор А.П. Лаппо-Старженецкий не усмотрел необходимости в реализации предложенной меры [35].

Впрочем, начальники Тобольской губернии заслужили репутацию управленцев, опекающих правосудие и ему покровительствующих. Так, уход Князева с губернаторского поста (1901 г.) расценивался местным юридическим сообществом как утрата для судебного дела. 11 марта в помещении общественного собрания Тобольска состоялся прощальный вечер в честь уезжающего чиновника, на котором, среди остальных лиц, с речью выступил председатель Тобольского окружного суда С.В. Сукачев. По словам корреспондента «Сибирского листка», он указал на «единение суда и администрации, какое было в бытность губернатором Л.М. Князева, и его последовательность в служении лучшим заветам судебного ведомства, к которому он раньше принадлежал по своей службе, снискавшем ему общее расположение и уважение» [36]. О желании губернаторов поддержать авторитет юстиции говорит тот факт, что они стремились влиться в ряды судебных деятелей. В частности, Князев и Гондатти входили в состав почетных мировых судей Тобольской губернии [37].

Тобольские губернаторы Л.М. Князев, А.П. Лаппо-Старженецкий, Н.Л. Гондатти и Д.Ф. фон Гагман, став современниками одного из самых значимых в жизни Сибири того времени преобразования — судебной реформы на началах Судебных уставов Александра II, в целом проявили себя как участливые, порой весьма компетентные администраторы. Их усилия стимулировали совершенствование юстиции края и легли в основу фундамента, на котором базировалась сибирская система правосудия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сибирь. 1877. 17 июля.
2. Арефьев Н.В. Сибирь // Северный вестник. 1896. № 1. С. 51.
3. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (далее — ГУТО ГАТ). Ф. 152. Оп. 37. Д. 775. Л. 1.
4. Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. 3-е. Т. 16. № 12932.
5. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. С. 395.
6. Государственный архив Тюменской области. Ф. И-183. Оп. 2. Д. 358. Л. 6.
7. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 861. Л. 1-2; Д. 862. Л. 11.
8. Там же. Л. 171, 235, 369, 207; Д. 875. Л. 158-162.
9. Тобольские губернские ведомости. 1897. 5 июля.
10. Коллекция печатных записок Российского государственного исторического архива (далее — РГИА). № 101. Отчет о состоянии Тобольской губернии за 1897 г. С. 13.
11. Цит. по: Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск, 1898. С. 42.
12. ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 20. Отд. 2-е. № 17973.

13. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 78.
14. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. СПб., 1912. Вып. 26. С. 238-239, 254-255.
15. Коллекция печатных записок РГИА. № 101. Отчет о состоянии Тобольской губернии за 1909 г. С. 12-13.
16. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 904. Л. 1.
17. Там же. Л. 1-27; Ф. 158. Оп. 2. Д. 371. Л. 135-139.
18. Государственный архив Омской области. Ф. 25. Оп. 2. Д. 320. Л. 18-21.
19. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 872. Л. 144-146.
20. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1053. Л. 24 об.
21. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 899. Л. 1, 9.
22. Костюрин В. К вопросу о суде присяжных в Сибири // Сибирский листок. 1909. 11 января.
23. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 899. Л. 162, 184, 186.
24. Городская хроника // Сибирский листок. 1908. 9 октября.
25. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 899. Л. 1, 255-260.
26. ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 29. № 31862.
27. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 902. Л. 1; Ф. 158. Оп. 2. Д. 264. Л. 1.
28. В.А.С. Суд присяжных и «боевая юстиция» // Сибирские отголоски. 1910. 31 октября; Севостьянов В. Заметка о сибирских присяжных заседателях // Сибирские вопросы. 1911. № 4. С. 28.
29. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 902. Л. 166-168 об., 182-183, 187, 189, 195, 197-198, 200, 211-213 об., 218 об.
30. Государственный архив Томской области. Ф. Ф-11. Оп. 3. Д. 84. Л. 43.
31. РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 71. Л. 5.
32. Бузмакова О.Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX-начале XX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. С. 192.
33. Чечелев С. В. Судебная реформа в Сибири во второй половине XIX-начале XX вв.: Дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 173-174.
34. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 21 об.
35. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 126-130, 144-145 об.
36. Сибирский листок. 1901. 15 марта.
37. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1898 г. Тюмень, 1898. С. 52; Сибирский листок. 1908. 21 января.

*Александр Георгиевич КИСЕЛЕВ —
доцент кафедры истории
Югорского государственного университета,
кандидат исторических наук
(г. Ханты-Мансийск)
kiselev1954@mail.ru*

УДК 330.83;630'673;94(57)

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ В ТОРГОВЛЕ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (конец XIX — начало XX вв.)

BOOK-KEEPING IN TRADE AND INDUSTRIES OF THE WESTERN SIBERIA (THE END OF THE XIX — BEGINNING OF THE XX CENTURY)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена бухгалтерскому учету в торговле и промышленности Западной Сибири рубежа XIX-XX вв. Рассматривается учет крупных столичных компаний, оперировавших в Сибири, и местных сибирских фирм. Автор приходит к выводу о слабости учета как проявлению относительной незрелости рыночных отношений в крае.